

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. – М.: Искусство, 1991
2. Буассье Г. Последние времена язычества. Исторические очерки конечных религиозных столкновений на Западе в IV веке / Пер. Н. Трескина. Т.1. – Спб., 1893.
3. Гизо П. Частная и общественная жизнь древних римлян / Пер. С.П. Моравского. – М., 1893.
4. Гизо Ф. История цивилизации во Франции / Пер. П.Г.Виноградова. Т.1 и 2. 1877.
5. Гордиевич О. Речь, произнесённая на торжественном акте Коллегии П. Галагана 1 октября 1893 г. – Киев, 1894.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991
7. Диль Ш. Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой. Вып.1. – М., 1914.
8. Истомин А. О воспитании у римлян (Составлена по Грасбергеру, Марквардту, Бернади и Шмидту) // Сборник статей по классической древности, издаваемый для учеников гимназий Киевским отделением общества классической филологии и педагогики. – Киев, 1884
9. Правила святой школы города Нисибина // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. – Т. I. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994
10. Современный словарь иностранных слов. – М., 1987.
11. Суворов Н. Средневековые университеты. – М., 1898
12. Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов / Пер. под ред. Ф.Зелинского и С. Меликовой // Общая история европейской культуры / Под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И.Кареева, М.И. Ростовцева. Т. IV. Ч.1. Спб., 1904
13. Циглер Т. История педагогики / Пер. с 3-го изд. Е. Цитрон и А.Карнаухова / Под ред. С.А. Ананьина. Петербург – Киев, 1911.
14. Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурно-ноу жизнью народов. Изд. 3-е, доп. и испр. В. Ланге / Пер. Э.Циммермана.Т.1. М., 1877.
15. Штадельман Ф. Воспитание и обучение у древних греков и римлян / Пер. с нем. А. Нейфельда // Гимназия. 1895. № 6 – 8
16. Cobban, A.B., 1975, The Medieval Universities: Their Development and Organization, Methuen & Co Ltd, London.
17. Denifle H. Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400. — Graz: Akad. Druck u. Verl.-Anst., 1956
18. Dent H. University in Transition. – London. 1961.
19. Durkheim E. The Evolution of Educational Thought: Lectures on the Formation and Development of Secondary Education in France/ Translated by Collins P.—L. etc: Routledge and Kegan Paul. 1977
20. Feruollo, St. Parisius-Paradisius: The city, its school, and the origins of the university of Paris. In: Bender T. (ed.) The University and the City: from Medieval Origins to the Present. New York.1986.
21. Hyde, J.K. «Universities and cities in medieval Italy.» // Bender T. (ed.) The University. and the City: from Medieval Origins to the Present. New York.1986.
22. International encyclopedia of education. – Toronto, 1985. – Vol. 9
23. Jones A.H. M. The Decline of the Ancient World. 12-th ed. L. – N.Y., 1994
24. Maiery A. University Training in Medieval Europe. London, 1994.
25. RashdaII H. The Universities of Europe in the Middle Ages/Ed. by F.M. Powicke and A.B. Emden. — L.: Oxford Univ. Press,1942 - Vol. I.
26. Rudy, W. The Universities of Europe, 1100 - 1914. A History, Associated University Press, Cranbury 1984.
27. Symoens H.R. (ed.) A History of the University in Europe. Vol. 1. Cambridge. 1992
28. Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992.
29. Verger, J., 1992b, Teachers, in Rüegg, W. (ed.), 1992, A History of the University in Europe. Vol. I Universities in the Middle Ages, Cambridge University Press, Cambridge.

УДК 314.1:947(476)

Баюра А.Н.

НАСЕЛЕНИЕ ВИЛЕНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

По административно-территориальному делению европейская часть Российской империи в конце XIX – начале XX вв. делилась на губернии, уезды, станы и волости. Территория современной Беларуси на официальном языке царских властей с 1840 г. именовалась «Северо-Западный край», который включал в себя пять губерний – Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую. Западно-белорусские земли входили в основном в Виленскую и Гродненскую и частично Минскую губернии. В настоящей статье будут рассматриваться вопросы, касающиеся народонаселения Виленской и Гродненской губерний во второй половине XIX века.

Виленская губерния была создана в 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой и первоначально существовала до 1797 г. 6 февраля 1797 г. она была слита со Слонимской губернией в одну Литовскую губернию, которая в свою очередь просуществовала до 1801 г. 9 октября 1801 г. согласно Указу

императора Александра I, Литовская губерния была разделена на Слонимскую и Виленскую. Последняя после ряда преобразований с 1 июля 1843 г. включала в себя 7 уездов: Виленский, Свентянский, Ошмянский, Трокский, Лидский, Дисненский и Вилейский. В таком составе Виленская губерния просуществовала до 1920 г.

Гродненская губерния была образована 9 сентября 1801 г. первоначально как Слонимская, а 28 августа 1802 г. была переименована в Гродненскую. Во второй половине XIX века она включала в себя 9 уездов – Гродненский, Брестский, Кобринский, Пружанский, Слонимский, Волковысский, Белостокский, Бельский и Соколовский.

В 1861 г. в Виленскую губернию по административно-территориальному делению входили 1 губернский, 6 уездных городов, 2 заштатных города, 137 местечек, 245 сел и 9287 деревень, 5166 хуторов, мыз и других мелких сельбищ (так в

Баюра Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

источнике), а всего 14844 населенных пункта. [1, с. 34] Данные сведения были приведены гражданским губернатором М.М. Пахвисневым в 1862 г. Несколько иные данные приводятся в Военно-статистического сборнике за 1863 г. – тогда в Виленской губернии насчитывалось 14502 населенных пункта, в том числе 9 городов, 227 городских поселений (что относили к этой категории составители сборника кроме заштатных городов и местечек остается неясным), 14266 сельских поселений (вероятно, сюда включались хутора и другие мелкие населенные пункты). [1, с. 36]

Количество городов в Виленской губернии в рассматриваемый период не изменилось. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в губернии оставалось 9 городов – губернский город Вильно, шесть уездных – Вилейка, Дисна, Лида, Ошмяны, Свентяны, Троки и два заштатных – Радошковичи Вилейского уезда (в настоящее время городской посёлок Молодеченского района Минской области) и Друя Дисненского уезда (в настоящее время городской посёлок в Браславском районе Витебской области).

В 1848 г. в Гродненской губернии имелось 1 губернский город, 8 уездных, 16 заштатных городов, 84 местечка, 351 село, 4741 деревня. В 1893 г. – 1 губернский, 8 уездных, 16 заштатных городов, 62 местечка. [6, с. 125] То есть количество городов не изменилось, но уменьшилось число местечек, частично преобразованных в сёла. Заштатные города имелись в следующих уездах: Белостокский (Годионд, Кнышин, Сураж), Бельский (Брянск, Дрогичин, Клещели, Мельник, Нарев), Сокольский (Васильков, Домброво, Корицын, Кузница, Новый Двор, Одельск, Суховоля, Янов). В уездах Гродненской губернии, входящих в настоящее время в состав Республики Беларусь, заштатных городов не было.

Для белорусских губерний в целом, и для Виленской в особенности, характерным видом населенных пунктов являлись местечки – поселения городского типа, являвшиеся своего рода переходным звеном между городом и деревней, возникшие еще в XIV веке, во времена существования Великого княжества Литовского. Так, если в 1861 г. в Виленской губернии насчитывалось 147 местечек, то в Минской – 96, в Могилевской – 82, Витебской – 43 [1, с.28, 31, 33], Гродненской – 48 в 1848 г. [6, с.126] Местечки были сосредоточением ремесленно-кустарного производства и мелкой торговли. Как правило, они являлись центрами волостей – низшего звена административно-территориального деления в царской России.

В пореформенный период количество населения Виленской губернии значительно увеличилось. В первые пореформенные годы в губернии проживало немногим менее одного миллиона человек. В различных источниках приводятся не одинаковые, но не сильно отличающиеся данные. Так, в Ведомости Центрального статистического комитета о количестве жителей пяти западных губерний в 1861 г. в Виленской проживало 902487 человек. [1, с.28] А в 1863 г. по данным Статистического временника Российской империи в губернии проживало 899993 человека. [1, с.37] В том числе в белорусских уездах: Вилейский – 120813; Дисненский – 105987; Лидский – 108662; Ошмянский – 129922. [1, с.37] К концу XIX века по итогам Первой всеобщей переписи населения в Виленской губернии проживало уже 1591207 человек. [1, с.57] В том числе в белорусских уездах: Вилейском – 208013; Дисненском – 204923; Лидском – 205767; Ошмянском – 233559.

Прирост населения за 35 лет составил, таким образом, около 17,5%. При этом городское население в 1863 г. составляло 93808 человек, или 10,4% [1, с.37], а в 1897 г. – 198007 человек, или 12,4%. [5, с.75]

В 1863 г. в Гродненской губернии проживало 894194 человека, в том числе 124733 в городах (14%) и 769491 в сельской местности. [1, с.37] По уездам численность населения была следующей: Гродненский – 117990; Брестский – 117272;

Волковысский – 81281; Кобринский – 105558; Пружанский 75352; Слонимский – 122346. [1, с.37]

В 1897 г. в губернии проживало уже 1603409 человек, в том числе в Гродненском уезде – 204854; в Брестском – 218432; в Волковысском – 148721; Кобринском – 184453; Пружанском – 139074; Слонимском – 226274. [1, с.61–62] То есть за 35 лет население губернии выросло на 55,77%, что значительно больше, чем в Виленской. Городское население составляло 15,87 %, что также было несколько больше, чем в Виленской.

Из приведенных данных видно что, в обеих губерниях соотношение городского и сельского населения изменилось незначительно, из чего можно сделать вывод о том, что эпоха урбанизации еще не наступила. Прирост населения в первые пореформенные десятилетия шел преимущественно за счет сельского населения. Это говорит о том, что развитие промышленности в Западной Беларуси протекало в эти годы крайне медленно.

По плотности населения в Виленской губернии имелись следующие показатели – в 1858 г. 19, в 1897 г. 33 человека на один квадратный километр. В Гродненской – соответственно – 21 и 38, что в основном соответствовало средним показателям по белорусским уездам Северо-Западного края. [2, с.28, 30] По отношению к европейской части России, где плотность населения составляла 22 человека на 1 квадратный километр, в обеих губерниях этот показатель был выше. Наиболее высокой плотность населения была вокруг губернских и тех уездных городов, которые постепенно становились промышленными центрами или железнодорожными узлами.

Интересными представляются данные о национальном составе населения, собранные в результате Первой переписи населения. По белорусским уездам Виленской губернии национальный состав населения выглядел следующим образом: [2, с.31] (таблица 1)

В белорусских уездах (без Белостокского, Сокольского и Бельского) Гродненской губернии на 1897 г. национальный состав населения выглядел следующим образом:[2, с.29] (таблица 2).

Данные переписи показывают, что абсолютное большинство евреев проживало в городах и местечках. Такое расселение можно объяснить двумя причинами. Во-первых, главную роль здесь сыграло наличие в Российской империи дискриминационных законов в отношении еврейского населения – существование так называемой «черты оседлости», введенной Указом Екатерины II от 23 мая 1794 г. [7, с.389] В границах «черты оседлости» евреям просто-напросто запрещалось селиться вне городов и местечек. Во-вторых, проживание евреев в городах и местечках объясняется традиционными занятиями этого народа – торговлей и связанным с ней ростовщичеством и ремесленным производством. Впрочем, в том, что евреи занимались этими видами деятельности так же повинны и иные дискриминационные антиеврейские законы, например, 10 июля 1864 г. евреям было запрещено покупать землю вне городов и местечек в западных и юго-западных губерниях. [7, с.390]

Такое искусственное скопление еврейского населения в городах и местечках белорусских губерний при их и без того невысоком уровне промышленного развития препятствовало притоку коренного белорусского населения из деревни в город. Это касалось как зажиточных, буржуазных элементов белорусской деревни, так и бедняцкой её части. В целом такая ситуация отрицательно сказывалась на формировании как белорусской национальной буржуазии и интеллигенции, так и белорусского промышленного пролетариата, значительная часть которого вынуждена была искать заработки и трудиться за пределами своих родных мест, чаще всего на просторах огромной Российской империи, реже – выезжая за границу.

Таблица 1

Уезды	белорусы	русские	украинцы	поляки	литовцы латыши	евреи
Вилейский	180709	1932	11	5122	130	19813
Дисненский	166151	12129	23	4934	823	20684
Лидский	129580	2410	132	8421	15416	21992
Ошмянский	173818	5148	29	3832	8168	25946

Таблица 2

Уезды	белорусы	русские	украинцы	поляки	литовцы латыши	евреи
Гродненский	123011	12593	100	11163	2687	38686
Брестский	3776	17156	129372	8102	264	44174
Волковысский	109258	3241	256	2887	44	16950
Кобринский	1489	5524	139531	3964	17	24375
Пружанский	87457	3546	7703	1645	41	15635
Слонимский	182654	4704	159	3535	313	34371

Анализ данных переписи по религиозной принадлежности в Виленской губернии рисует следующую картину:

православные	415295 (26,09%)
старообрядцы и другие уклоны от православия	25573 (1,62%)
армяно-григориане	12 (0,00%)
армяно-католики	47(0,00%)
римско-католики	935849(58,82%)
лютеране	4463(0,28%)
реформаторы	177(0,01%)
меновиты	2(0,00%)
англикане	2(0,00%)
остальные христиане	35(0,00%)
караимы	576 (0,04%)
иудеи	204686(12,86%)
магометане (мусульмане)	4375(0,28%)
будисты-ламаиты	1(0,00%)
остальные нехристиане	14(0,00%)
	1591207(100%)

Из таблицы видно, что превосходство в целом по губернии было за римско-католической церковью. [5, с.82] Однако в двух уездах – Вилейском и Дисненском – православное население преобладало. При этом характерно, что большая часть лиц, назвавших своим родным языком белорусский – 58,5%, исповедовала католическую религию. [5, с.77]

В Гродненской губернии по вероисповеданию население делилось следующим образом:
 православные – 919346 (57,34%)
 старообрядцы и другие уклоны от православия – 504 (0,03%)
 римско-католики – 386519 (24,11%)
 протестанты разных исповеданий – 12687 (0,79%)
 магометане – 3731 (0,23%)
 иудеи – 280489 (17,49%)
 караимы – 10 (0,00%)
 остальные – 23 (0,01%) [1, с.62]

Мы видим, что в отличие от Виленской в Гродненской губернии преобладало православное население.

Одним из главных сохранившихся после отмены крепостного права феодальных пережитков в Российской империи было деление общества на сословия. Несмотря на то, что быстрое развитие капитализма в стране резко меняло социально-классовую структуру общества, и принадлежность к тому или иному сословию уже не играла решающей роли в социальном статусе человека, разные сословия вплоть до Октябрьской революции 1917 г. занимали разное положение в обществе. Они пользовались неравными правами и по-разному были обеспечены. Так, например, в классические гимназии, а, следовательно, затем и в университеты, преимущественно при зачислении имели выходцы из дворянского сословия. Телесные наказания, которые по решению сословного

волостного суда могли применяться к лицам крестьянского сословия, были отменены только в ходе первой русской революции 1905 – 1907 гг. Подобные сословные ограничения касались различных сторон жизни российского общества и негативно сказывались на его экономическом развитии.

С этой точки зрения определенный интерес представляет картина распределения населения Виленской и Гродненской губерний по сословной принадлежности. [1, с.61-62, 65]

	Гродненская	Виленская
Дворяне потомственные и личные	25754 1,6%	76331 4,8%
Духовенство	3321 0,21%	2274 0,14%
Купцы	3401 0,21%	2630 0,17%
Мещане	400078 24,95%	305315 19,19%
Крестьяне	1162379 69,62%	1197309 75,29%
Остальные сословия	3754 0,23%	5534 0,35%
Иностранные подданные	4722 0,29%	1814 0,11%

О недостаточном индустриальном развитии говорят и данные о грамотности населения, которые всегда являются важным показателем социально-экономического развития общества. В 1897 году всего в Виленской губернии насчитывалось всего 28,8% грамотных [1, с.69], в том числе по белорусским уездам 25,9% [2, с.32].

При этом процент грамотных значительно колебался в различных местностях. По белорусским уездам Виленской губернии этот показатель выглядел следующим образом:

Лидский	30,3%
Ошмянский	29,3%
Дисненский	22,5%
Вилейский	19,0%. [2, с.32]

В Гродненской губернии (без Белостокского, Сокольского и Бельского уездов) грамотных было 269509 человек, или 25,8%. Процент грамотности населения по уездам здесь колебался еще более, нежели в Виленской:

Сокольский	42,6
Гродненский	35,8
Брестский	28,9
Волковысский	25,6
Пружанский	22,3
Слонимский	20,6
Кобринский	17,8 [2, с.32-33]

Уровень грамотности в двух рассматриваемых губерниях был несколько выше, чем в целом по Беларуси (20,5%) и европейской части России (19%).

Среди мужского населения грамотность была значительно выше, чем среди женского. Это вполне объяснимо, учитывая сохранявшуюся в XIX веке дискриминацию женщин и то, что женщины в значительно меньшей степени привлекались к участию в общественном производстве. По Виленской губер-

нии мужчин среди грамотных было 147697 или 61,55%, по Гродненской – 191718 или 71,14%. [2, с.32]

Крайне незначительным было число лиц, имевших высшее образование – 331 человек в Виленской губернии и 744 – в Гродненской. Среднее образование так же было уделом относительно небольшой группы людей – 2640 человек в Виленской и 8338 в Гродненской. [2, с.32]

Рассмотренные в статье данные о народонаселении западнобелорусских земель во второй половине XIX века дают основание сделать вывод, что этот регион не слишком отличался от остальных белорусских губерний, но имел некоторые особенности. Это касалось, прежде всего, характеристики населения по религиозному и национальному признакам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белоруссия в эпоху капитализма. Т.2 / Гл. архивн. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории АН БССР; Сост. З.Е. Абергауз, Н.Л. Рябцевич. – Мн.: Наука и техника, 1990. – 336 с.

2. Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860 – 1900. – Мн.: Из-во БГУ, 1978. – 312 с.
3. Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. – Мн.: Наука и техника, 1991. – 119 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Распределение населения по видам занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т.1. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О.Яблонского, 1905. – 459 с.
5. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроизведенное изд.1882 г. – Мн.: БелЭн, 1993. – 550 с.
6. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3 – Мн. БелЭн, 1996. – 537 с.
7. Экономическая история Беларуси: Учеб. пособие /В.И. Голубович, Г.И. Ермашевич, Г.П. Бушик и др.; Под ред проф. В.И. Голубовича. – Мн.: “Экоперспектива”, 2001. – 400 с.

УДК 801

Венскович М.С.

СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛОГИЧЕСКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ

Формальная логика, рассматривая язык только в аспекте формы и отвлекаясь от его содержательной интерпретации, оставляет в стороне многие вопросы, касающиеся взаимоотношения между языковыми выражениями и теми объектами, которые они называют, т.е. между категориями языка и категориями реальной действительности [1]. И совершенно естественно поэтому, что дальнейшие исследования в области логического анализа поставили на повестку дня целый комплекс вопросов, связанных с семантическими свойствами языка.

Так, уже Г. Фреге, занимаясь проблемами логики и математики, затронул ряд логико-философских вопросов, требовавших глубокого анализа отношений между предметом действительности и тем именем, которым данный предмет обозначается. Но специфической чертой семантического метода Фреге было то, что он впервые подверг тщательному анализу понятие «смысла» [2]. В основу своей семантики Фреге положил идею различения вещи и функции, имен предметов и имен функций. Он считал именование важнейшей функцией языка и из установленной им градации имен предпочтение в процессе исследования отдавал именам собственным.

Обратившись к исследованию семантической структуры имени, Фреге определил эту структуру как состоящую из смысла (Sinn), или представления предмета, и денотации, или значения (Bedeutung), т.е. отнесенности имени к определенному предмету [3]. Причиной, побудившей Фреге различать имена не только по их значению, но и по выражаемому их смыслу, послужили размышления над тем, что такое равенство: если, например, «а» и «в» суть собственные имена, и если рассматривать утверждение тождества вида «а=в» как предложения, в которых утверждается тождество самих объектов, именуемых «а» и «в», то невозможно – в силу принципа предметности – отличить высказывания вида «а=в» от высказываний вида «а=а», так как и те и другие утверждают одно и то же. Если же рассматривать тождество как отношение между выражениями языка, то утверждение тождества «а=в» истинно тогда и только тогда, когда «а» и «в» приписано одно и то же значение. При таком истолковании тождества некоторые трудности снимаются – предложения «а=а» и

«а=в» утверждают не одно и то же. Первое утверждает тождество имени самому себе, второе утверждает, что два различных имени «а» и «в» имеют один и тот же денотат.

Различение значимости предложений «а=а» и «а=в» и выявление познавательной ценности предложений последнего вида окажется возможным, если к каждому имени отнести не только тот предмет, который обозначается этим именем (значение имени), но и тот способ, каким имя обозначает предмет – его смысл.

Однако семантическая концепция Фреге трихотомична и третьим компонентом его теории является связанное со знаком субъективное представление, которое есть внутренний образ о предмете, возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях. Смысл в трихотомии Фреге занимает среднее место между значением, в качестве которого выступает сам предмет, обозначаемый именем, и представлением, носящим субъективный характер.

Тот факт, что один и тот же объект действительности может быть представлен и охарактеризован с разных сторон, Фреге демонстрирует следующим примером: предположим, прямые «а», «в», «с» соединяют углы какого-либо треугольника с серединами противоположных сторон. Точка пересечения прямых «а» и «в» та же самая, что и точка пересечения прямых «в» и «с». В первом случае будем говорить о точке пересечения «ав», а во втором – о точке пересечения «вс». То есть, выражения «точка пересечения ав» и «точка пересечения вс» содержат в себе различную познавательную информацию об одном и том же объекте (точка пересечения), что позволяло Фреге разграничивать в этих выражениях одно и то же значение, но разные смыслы.

В связи с тем, что Фреге рассматривал предложение как частный случай имен, то эту же семантическую модель имени он применил затем и к предложению. Пытаясь решить проблему смысла предложения и исследуя при этом лишь повествовательное предложение, он пришел в итоге к заключению, что каждое повествовательное предложение содержит некоторую мысль, которая может быть только или значением предложения, или его смыслом. Если предположить, что за-

Венскович Михаил Станиславович, доцент филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.